

Стернин И.А.
Россия, Воронеж

ГОСУДАРСТВО И ЯЗЫК

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация В статье рассматривается проблема вмешательства государства в языковое развитие. Показаны пределы возможного вмешательства государства в язык.

Ключевые слова: язык, государство, развитие языка, языковая политика.

Сведения об авторе: Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Контактная информация: 394007, г. Воронеж, ул. Димитрова, д. 4, кв. 154.

E-mail: sterninia@mail.ru.

Sternin I.A.
Russia, Voronezh

THE STATE AND LANGUAGE

ГЧНТИ 16.21.27, 16.21.61
Код ВАК 10.02.01

Abstract. The problem of intervention of the state in language development is considered. Limits of possible intervention of the state in language are shown.

Key words: language, the state, development of language, the language policy.

About the author: Sternin Joseph Abramovich, Doctor of Philology, Professor

Place of employment: Voronezh State University.

Проблема возможности и степени вмешательства государства в язык остается актуальной, о чем свидетельствуют и недавние события в нашей стране. Если смотреть ТВ и читать живые дискуссии в газетах и Интернет, то можно сделать вывод: в России произошло важнейшее событие – с 1 сентября 2009 г. изменились нормы русского языка. Теперь они представлены в четырех словарях, которые утвердило Министерство образования и науки (приказ А. Фурсенко «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» от 8 июня 2009 г.).

Идея, конечно, абстрактно говоря, хорошая: проверить словари, справочники и издательства на качество и рекомендовать те издания, которые лучше других отражают современные нормы русского языка, не содержат ошибок. Действительно, нужно повысить качество издаваемых словарей и справочников по русскому языку, постановку этой задачи можно только приветствовать, и филологическая общественность давно об этом говорит. Но как эта идея была реализована? Совершенно неудовлетворительно. И последствия упомянутого приказа нам, филологам, еще не раз «аукнутся» в самых разных сферах жизни нашего общества.

У этого вопроса есть три стороны: учебная, филологическая и правовая.

Учебная сторона. Растиражированные журналистами отдельные примеры из утвержденных приказом словарей – дОговор, моё кофе, карат'Е и др. вызвали смятение в образовательной среде.

Учителя в смятении – каким вариантам произношения и написания учить детей, какие словари рекомендовать, что делать с остальными словарями, закупленными школами? На эти вопросы приказ, утвердивший список из 4 словарей, не отвечает.

Еще большее недоумение вызывает второй пункт: «Контроль за исполнением настоящего приказа возложить на заместителя Министра Калину И.И.». Как будет осуществляться контроль за утвержденным списком словарей? Что, зам. министра будет штрафовать тех, кто не пользуется этими словарями? Будет изгонять из педагогических учебных заведений тех, кто будет говорить *ЧЕРНЫЙ кофе*? Будет требовать письменные отчеты о внедрении этих словарей в учебный процесс и акты списания остальных словарей и справочников? Следить, чтобы все остальные словари изъяли из библиотек учебных заведений?

Самое опасное в этой ситуации то, что в нашей стране такое вполне возможно. Если не сам зам. министра, так органы управления образованием в регионах, в районах этим обязательно займутся. При традиционном чиновничестве и послушности вертикали власти, совмещающимися сплошь и рядом с махровым непрофессионализмом наших управлений образованием всех уровней, «во исполнение» приказа министра разными уровнями педагогической власти могут издаваться местные циркуляры именно подобного содержания, что нанесет непоправимый вред и так низкой речевой культуре наших детей.

Явный вред приказ причинил и многолетней работе филологической общественности по пропаганде норм культуры русской речи среди населения.

В общественном сознании внезапно и резко заметно изменилось отношение к речевой культуре. Прежде всего, люди малокультурные в речевом отношении, всегда отстаивавшие точку зрения, что неважно, как говорить, главное – чтобы тебя поняли, торжествуя возвышают сейчас свой голос: от многих своих знакомых, которым я и мои коллеги по воронежской телефонной «Службе русского языка», радиопрограмме «Территория слова» много лет терпеливо внушали необходимость соблюдать нормы русского литературного языка, теперь со

злорадством мне звонят или радостно сообщают при встрече: «Слышали? Теперь вышел закон, что можно говорить и договор, и мое кофе, все, чему вы нас заставляли учиться, ОТМЕНЕНО! Значит, мы были правы! Кому вы нужны теперь, филологи, все надуманные вами правила отменены министерством!» Вот как поняли приказ (в обыденном сознании его восприняли как закон об изменении норм русского языка) те слои населения, которые как раз более всего нуждаются в работе над своей речью.

Министерству образования и науки низкий поклон от филологов – оно в одночасье успешно перечеркнуло в общественном мнении весь смысл нашей многолетней работы!

Филологическая сторона. С профессиональной, научной точки зрения приказ содержит целый ряд серьезных ошибок.

Во-первых, само название приказа неграмотно просто с точки зрения норм русского литературного языка, утверждению которых он посвящен. Название вызывает недоумение и порождает кривотолки. Это название звучит так: «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».

Но все дело в том, что так по-русски сказать нельзя. Нормы не *содержатся* в словарях и грамматиках, они там фиксируются, отражаются, перечисляются и под. Содержатся нормы в головах у людей. Можно было бы чиновникам Министерства образования в приказе о нормах языка соблюсти эти самые нормы...

Во-вторых, научно безграмотно сформулирована задача Правительством и еще более научно безграмотно она реализована Министерством.

В Постановлении правительства РФ от 2006 г. определяется понятие норм языка, подлежащих утверждению: «Под нормами современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации понимается совокупность языковых средств и правил их употребления в сферах использования русского языка как государственного языка Российской Федерации» (Председатель Правительства Российской Федерации М. Фрадков. Москва, 23 ноября 2006 г. № 714).

Нетрудно заметить, во-первых, тавтологию в определении, а также научную неграмотность в толковании понятия *государственный язык*. Говорится о «сферах использования русского языка как государственного языка Российской Федерации». Но «использование русского языка в качестве государственного» – это никак не сфера использования русского языка. Если это сфера, то какие еще есть сферы, противостоящие *государственному* русскому языку? Таких нет. Государственный язык – это правовой статус языка, определенный Конституцией РФ и

«Законом о русском языке как государственном» (2005 г.) – *русский язык используется как официальный на территории всей России*. Государственный – это именно *статус* русского языка в государстве, утвержденный конституцией и законом о русском языке. Государственным русский язык по закону является на территории нашей страны абсолютно для всех: и для чиновников, и для журналистов, и для детей, и для бомжей, и для воров. И чиновники, и бомжи, и преступники – все – хотят они или не хотят – говорят на русском языке, и он в их речи всегда и неизменно *государственный*. Правой статус языка распространяется на всех людей и все сферы общения.

В приказе Министерства используется несколько иное выражение «нормы ...при использовании русского языка в качестве государственного», но смысл тот же самый. Это следует понимать так: утвержденные словари отражают те нормы русского языка, которые должны соблюдаться, когда он используется как государственный. А мы только что отметили, что на территории России русский язык всегда используется как государственный.

Для фиксации норм русского языка имеет смысл указывать сферы его использования, поскольку существуют разные нормы для разных сфер, ситуаций использования языка. Одно дело – нормы официальной, деловой письменной и устной речи, язык государственных документов, язык средств массовой информации, другое дело – непринужденная, разговорная, устная речь, там действуют разные нормы и люди следуют в своей речи разным нормам.

Уж если заниматься всерьез нормализаторской деятельностью, то совершенно очевидно, что можно устанавливать и регламентировать «сверху», к примеру, «нормы использования русского языка в общественной сфере (например, в официально-деловом употреблении, возможно также – в сфере СМИ).

Нам представляется совершенно необходимым регулировать в правовом отношении использование языка в официально-деловой (устной и письменной сфере) и в сфере СМИ (радио, телевидение, печать). Надо избавиться от фонетических, грамматических, стилистических ошибок, неправильных ударений, грубости и нецензурщины прежде всего в этих сферах – в общественных местах, в сфере общественного употребления языка. Если президент Медведев сказал в беседе с министрами: «...ни фи́га не выполняется», – оставим это на его совести, но СМИ не должны были это тиражировать в эфире – это грубое выражение, оно не для использования в сфере публичного общения.

Разговорная же, устная, непринужденная речь развивается по своим законам и «между своими» – вне публичной сферы – можно многое допускать, это дело языкового вкуса говорящих.

В-третьих, список словарей, вошедших в приказ, включает явно неравноценные по мнению филологов издания.

Если «Орфографический словарь русского языка. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. – М: «АСТ-ПРЕСС», 2008» действительно известен и достаточно авторитетен у научной общественности, составлен сотрудниками Института русского языка РАН, то «Словарь ударений русского языка» И.Л. Резниченко малоизвестен, не относится к авторитетным в филологической среде изданиям. «Грамматический словарь русского языка: Словоизменение» А.А. Зализняка – высококачественный, но узкоспециальный, сугубо научный словарь, которым не будут, да и не смогут пользоваться рядовые носители языка, он нужен только специалистам.

«Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» В.Н. Телия по объему и качеству описания уступает многим более известным и зарекомендовавшим себя словарям русской фразеологии; кроме того, он содержит больше комментариев о происхождении фразеологических единиц и русской культуре, то есть имеет культурологическую направленность. И как его будут использовать чиновники в своей речи на русском языке как государственном, если там сплошь и рядом описываются стилистически сниженные фразеологизмы типа *вешать лапшу на уши*?

Все эти словари могут, естественно, использоваться носителями языка, хотя, конечно, не только они должны рекомендоваться широкой общественности как справочные издания.

При этом, как уже вполне примирительно выразился А.А. Фурсенко в интервью каналу «Вести», «эти словари не диктуют, как надо говорить»; кроме того, «в списке будут и другие словари и справочники, которые будут предложены для экспертизы филологическому сообществу», пообещал министр.

Возникает вопрос: а для чего тогда этот список надо было опубликовать?

Обращаем внимание читателей на то, что приказ был издан 8 июня 2009 г., а широко «распропагандирован» именно под 1 сентября. Очень похоже на попытку отвлечь общественное мнение от результатов ЕГЭ и колоссальной неразберихи на вступительных экзаменах в вузы, от трудностей и проблем как самого ЕГЭ, так и набора студентов по ЕГЭ. Может, для этого все и задумывалось? Но это, конечно, наше предположение.

Обращаем также внимание, что в список не вошли справочник по правилам орфографии и пунктуации русского языка под ред. В.В. Лопатина, рекомендованный Орфографической комиссией РАН, толковые словари С.И. Ожегова, С.А. Кузнецова, четырехтомный словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, словари новой лексики рубежа веков Г.А. Скляревской, словарь иностранных слов Л.П. Крысина, нет

Академической грамматики русского языка, Энциклопедии «Русский язык», словарей сочетаемости, известных и авторитетных словарей синонимов, антонимов. Может быть, по словам министра, это дело будущего, но приказ создает у общественности впечатление, что эти словари *не рекомендуются* использовать, что и усиливает абсурдность ситуации.

Правовая сторона. Я не юрист и могу ошибаться, но некоторые вещи представляются мне совершенно очевидными.

Министр, оправдываясь за наделавший шума приказ, ссылается: «Мы просто выполнили указание правительства, провели экспертизу и опубликовали список». Однако Постановление Правительства выполнено лишь формально и только частично. Постановление правительства не выполнено в своей главной части – *утверждении норм русской орфографии и пунктуации*. Почему не выполнена та часть постановления правительства, где говорится о необходимости утверждения норм орфографии и пунктуации – главной сферы языка, которая требует особой регламентации, тем более что такой справочник есть – под ред. В.В. Лопатина, подготовленный Институтом русского языка АН РФ и давно используемый в школах и вузах?

Налицо большая спешка – видно, министр получил замечание, что постановление правительства РФ от 2006 г. не реализуется, и поспешил что-то сделать, хоть что-то утвердить. Постановление правительства вышло в 2006, Минобрнауки «с целью реализации этого постановления» создает «Положение о порядке проведения экспертиз» в мае 2007 и только почти через полтора года, 29 декабря 2008 г. издает приказ о назначении учреждений в экспертную комиссию; 8 июня 2009 добавляет туда еще одно учреждение (Институт лингвистических исследований РАН, СПб.) и этим же днем (!) утверждает список словарей и грамматик из 4 названий. К чему рекомендовать ограниченное количество словарей, к тому же не по всем сферам использования русского языка? Чтобы чисто формально отчитаться перед Правительством. А последствия для образования страны?

И еще одна юридически существенная вещь: очень подозрительно выглядит тот факт, что все четыре рекомендованных издания выпущены одним и тем же коммерческим издательством «АСТ», что фактически закрепляет на данный момент монополию этого издательства на издание словарей и справочников по русскому языку, чем нарушается Закон о конкуренции и антимонопольное законодательство.

Какой же результат этого приказа?

В утреннем телеинтервью Первому каналу 4 сентября явно перепуганный бурной негативной реакцией общественности министр А.А. Фурсенко выразился в том смысле, что, мол, дело не приказе, не в рекомендациях – они не директивны, самое важное, что «мы к 1 сентября привлекли этим приказом внимание к русскому языку».

Это уж точно – внимание этот приказ привлек! И вызвал переполох в умах и далеко идущие последствия для системы филологического образования и российской культуры.

Что же делать сейчас педагогам, филологам, российскому образованию? Думаю, что ничего не надо делать. Жить, как и раньше жили. Учить в опоре на авторитетные в научном и педагогическом мире словари, которые всем известны.

Словари были, есть и будут разные, их составляют люди с определенным языковыми пристрастиями, определенным языковым вкусом. Составление словаря – труднейшая задача, ни один словарь не идеален. Как говорил Г. Флобер, «словари как часы – самый плохой лучше, чем никакой, но даже самый лучший никогда точно не показывает». Не может в принципе быть одного единственного словаря или справочника, который правилен, а остальные ошибочны. Пользоваться надо несколькими, наиболее авторитетными словарями, принятыми филологическим сообществом и находящимися «на слуху» у обычных людей.

Остается еще одна важная проблема – как быть с вариантами норм?

Бывает, что можно сказать и так, и так. Язык развивается непрерывно вместе с народом, который на нем говорит, в нем одновременно могут существовать старые и новые нормы. В таких случаях рядовой человек теряется, он хочет знать единственно правильный вариант. И когда выходят словари с вариантами типа *договор, кофе*, он, прежде всего, интересуется, как все-таки правильно, не замечая, к примеру, что чаще всего разные варианты предназначены для разных ситуаций общения – для официальной и неофициальной речи, в первую очередь.

Если максимально упростить ситуацию, можно сказать: в языке есть литературная норма, то есть норма культурной речи, которая используется в письменной и устной публичной сферах употребления языка – в госучреждениях, в Думе, в официальной речи депутатов и государственных деятелей и – что особенно важно – в СМИ. Это все *общественная сфера* использования языка – когда речь направлена на многих людей. А есть более либеральные нормы устной, разговорной речи – преимущественно устной, используемой в своем кругу. Там можно допускать больше вольностей.

Культура речи – это как раз умение выбрать уместное слово и выражение для той или иной ситуации. Великий Пушкин говорил: «Дело не в отвержении какого-либо слова, а в чувстве умеренности и целесообразности при его употреблении». Этот принцип – основа правильного отношения общества и отдельной личности к языку.

Всегда авторитетными у филологов и носителей языка будут несколько словарей, а не один. Вот среди них и следует выбирать слова-

ри, которые могут быть рекомендованы к использованию Министерством (оно при рекомендации *обязано* учесть традиции отечественной науки и мнение филологического сообщества), а издательства должны выпустить рекомендованные издания массовым тиражом и по доступной цене. Среди рекомендованных таким образом словарей можно будет пользоваться любым.

А вот если между рекомендованными словарями будут расхождения, что неизбежно, то нужно руководствоваться в употреблении соответствующих слов своими наблюдениями над тем, как эти слова используют окружающие нас *образованные, культурные люди*, ориентироваться именно на их языковой вкус. И помнить, что всегда возможны варианты, из которых лучше выбирать тот, который соответствует требованиям литературного языка. Необходимо обязательно посмотреть на сферу употребления варианта и сделать для себя выводы.

Так как же нам быть сейчас с этим приказом? Обязательного характера этот приказ не имеет, министр сам это подтвердил в своем интервью программе «Утро» Первого канала 4 сентября 2009 г., когда пояснил, что вошедшие в приказ словари «не диктуют, как употреблять» и что «список словарей будет расширен».

Ну разве не забавно: министр образования сам в интервью сказал, что свою речь он менять не намерен, то есть лично он подписанный им приказ выполнять не собирается. А нам тогда и тем более можно этот приказ не выполнять. Историк Карамзин в свое время тонко отмечал, что от многих жестоких законов российское население всегда спасало их традиционное для нашей страны неисполнение. Будем на это надеяться и сейчас.

Вообще нам такие законы и приказы не в диковинку. Павел I, борясь с последствиями французской революции, издал закон о запрете слов *гражданин, отечество, революция*; Пиночет, кстати, в свое время запретил слово *рабочий*. Но все эти слова как были, так есть и будут. Никакие приказы царя, министра, постановления правительства, никакая вертикаль власти не могут изменить или улучшить язык.

И теперь заключительное теоретическое рассуждение – можно ли вообще *реформировать язык*?

Ни один язык в принципе нельзя реформировать, как бы это кому-либо не хотелось. Язык – живой самостоятельный организм.

Язык – живое общественное явление, которое имеет свою функцию – коммуникативную, он обслуживает сферу общения и передачи информации в обществе. При этом он развивается по своим законам, на которые искусственно влиять нельзя. Говорить о *реформе русского языка* абсурдно – это все равно, что говорить о *реформе русской нации, о реформе человека, о реформе воздуха, земли* и под.

Совершенно ясно, что можно реформировать только отдельные подвластные человеку и обществу *стороны* жизни в России.

Язык существует в обществе и для общества, поэтому *имеет отдельные СТОРОНЫ, на которые может и должно влиять государство*. Эти стороны сравнительно новые для языка, возникшие сравнительно недавно – в основном, письменный литературный язык. Литературная письменность основана в широком смысле *на договоре людей*, и вот на этот договор может и должно влиять государство. Оно может и должно:

– утверждать *литературные* нормы орфографии и пунктуации, то есть определять нормы письменной литературной речи (посоветовавшись с учеными);

– закреплять общественные функции языка – это языковая политика: провозглашать язык государственным (посоветовавшись с учеными, педагогами и политиками), определять его функции в обществе – где он обязательно должен применяться, а где могут применяться и другие языки, проводить реформы письменности (посоветовавшись с учеными).

Государству есть место также и в сфере образования – оно должно регламентировать обучение языку, то есть утверждать программы обучения и учебники русского языка для школы (посоветовавшись с учеными и педагогами).

А вот словари утверждать не надо – их пишут отдельные ученые, они всегда были и будут разные. Словари сами со временем приобретают авторитет и популярность в обществе, если эти словари принимает образованное население. Вот на них и надо опираться рядовому носителю языка.

Необходимо также помнить, что нормы, отраженные в словарях, во многих случаях варь-

ируют, варианты отражают старые и новые нормы, нормы литературного языка и разговорной речи – пользователю словаря надо всегда смотреть соответствующие пометы и выбирать новые литературные нормы.

Все это относится к литературному языку – образцовому, нормативному, принятому для образцовой, культурной публичной письменной и устной речи. Но есть еще устная форма существования языка, в которой сфера допустимого очень велика. В устной речи между своими, в просторечном общении можно порой сказать абсолютно все и употребить любое слово. В устной, разговорной речи свои нормы. Важно только не переносить разговорное употребление в литературный язык – не использовать разговорные слова, жаргон и под. в литературной речи, в общественных местах, ни в коем случае – в СМИ.

Вертикаль власти не может повлиять на устную речь людей, которая стихийна, развивается сама по себе, и из нее в конце концов впоследствии складывается и литературная норма. Люди всегда будут говорить между собой, как им удобно и как им нравится. Поэтому и нельзя вообще запретить мат, молодежный жаргон, сленг, грубую лексику, общенародный сленг – можно только (и нужно!) запретить их использование в публичной сфере – например, в СМИ, в официальных государственных учреждениях, то есть в сфере публичного использования, где государство может и должно вмешаться.

Таким образом, государство может вмешиваться в развитие языка, но только в ограниченных сферах. Чтобы подобное вмешательство было профессиональным, отвечало общественным потребностям и не противоречило законам существования и развития языка, государству надо советоваться с филологами.

© Стернин И.А., 2010